

М. М. Кондратенко

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ КАК ОСОБЕННОСТЬ НОМИНАЦИИ В БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ХРОНОНИМИИ

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского,
Российская Федерация, Ярославская обл., Ярославль, 150000, ул. Республиканская, 108

В статье анализируется диалектная интерпретация системы обозначений времени в говорах болгарского языка и делается вывод о том, что семантическое пространство народной хрононимии, выраженное в диалектах, во многом определяется оппозициями как аспектом структурной организации этого пласта лексики. Семантические оппозиции затрагивают такие особенности диалектной номинации, как специфика сегментации внеязыковой действительности (выбор объекта номинации); семантическая мотивация наименования (признак, согласно которому дается имя); использование исконной и заимствованной лексики. По этим признакам среди различных хрононимов выделяются лексемы, называющие время с отсутствующей или присутствующей точкой отсчета, с наличием таких характеристик, как «большой» и «малый», «мужской» и «женский» и др. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: славянская диалектология, болгарские диалекты, народная хрононимия, семантические оппозиции, принципы и способы номинация.

SEMANTIC OPPOSITIONS AS A PECULIARITY OF NOMINATION IN BULGARIAN DIALECTIC CHRONONIMY

M. M. Kondratenko

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
108, ul. Respublikanskaya, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

The article studies dialectic interpretation of the time notions as a system in the Bulgarian dialects and draws a conclusion that the semantic field of the folk chrononymy in dialects is largely defined through oppositions as a structure of this lexical cluster. Semantic oppositions reflect such peculiarities of dialectic nomination as specific features of the segmentation of extralinguistic reality (a choice of the object of nomination); semantic motivation of nomination (a characteristic feature whereby the name is given), and some others, the use of native words and borrowings in particular. By these specific features the lexemes that define the time with or without starting point, possessing the characteristics of «big» and «small», «male» and «female» are separated from other chrononyms. Refs 8.

Keywords: Slavic dialectology, Bulgarian dialects, folk chrononymy, semantic oppositions, principles and means of nomination.

Время является одной из важнейших координат в системе мировосприятия человека. Чаще всего время определяют как количественную меру движения. Однако семантика лексических единиц языка, особенно многозначных, представляет гораздо более сложное содержание этого понятия. В современных исследованиях подчеркивается значение «антропологического» аспекта времени (его восприятия и категоризации, аксиологии, «использования» времени человеком), а также важность различения видов времени: физического (природного), жизненного [Толстая, с. 150–153]. Большой интерес вызывает то, каким образом время интерпретируется самим языком. В процессе номинации те или иные названия фиксируют ощущения, представления и понятия человека, и результатом этой фиксации являются

не только языковые единицы, но и определенные семантические феномены, в частности особенности языковой сегментации и смысловой мотивации наименования. Для их исследования особую значимость имеют диалектные данные, поскольку диалект представляет собой более естественное по сравнению с литературным языком явление (не затронутое зачастую искусственной кодификацией). В свою очередь, при выборе диалектного материала для изучения необходимо учитывать и географический аспект существования диалекта. Традиционно считается, что периферийные диалектные зоны, например родопские говоры болгарского языка, более консервативны и лучше сохраняют наиболее архаичные языковые черты, в том числе и лексические, которые, в свою очередь, передают глубинные семантические архетипы [Соболев].

Характер взаимоотношений номинативных единиц с другими единицами той же лексико-семантической сферы — одно из важнейших свойств, от которого зависит их место в определенной сфере языка. Специфика семантического пространства народной хрономимии, выраженная в диалектах болгарского языка, во многом представлена оппозициями как аспектом структурной организации этого пласта лексики. Семантические оппозиции затрагивают такие особенности диалектной номинации, как 1) специфика сегментации внеязыковой действительности (выбор объекта номинации); 2) семантическая мотивация наименования (признак, согласнo которому дается имя), а также некоторые иные, в частности 3) использование исконной или заимствованной лексики.

В первом случае речь идет о том, что номинации подвергаются противопоставленные по определенному признаку понятия, во втором — о том, что для именования выбираются противопоставленные признаки, открываемые в самом понятии. Эти особенности мотивации названий единиц счета времени могут быть характерны для ряда говоров, образуя определенные ареалы распространения. Например, на основании имеющегося материала можно противопоставить северновосточно-славянско-южнославянский ареал севернoзападнославянскому. Так, в севернорусских и болгарских говорах утро именуется по такому признаку, как белый цвет (или свет): 'время перед рассветом' — *бело* утро в ярославских говорах [Ярославский областной словарь, т. 1, с. 49], *избелява се, забела* — в болгарских. В некоторых белорусских, западнославянских (и далее — южнонемецких) говорах таковым признаком оказывается серый цвет/свет: в северо-западных белорусских — *ша(э)рая гадзина, шараць* 'наступать (об утре)' [Слоўнік беларускіх гаворак, т. 5, с. 462], *grauen* 'светать' (в восточнофранконских говорах Баварии) [Wörterbuch von Mittelfranken, с. 80]. Подобные оппозиции вызывают вопросы о содержании понятия утро: является ли оно началом дня или окончанием ночи? На основании приведенных примеров можно предположить, что в болгарских и ярославских говорах утро — это наступление дня, а в северо-западных белорусских и южнонемецких — завершение темного времени суток.

К оппозициям в выборе объекта наименования следует отнести, в частности, противопоставление двух видов времени, которые условно можно назвать по точке отсчета «статическим» (или циклическим, вечно повторяющимся, возвращающимся в прежнее состояние) и «динамическим» (индивидуальным для каждой коммуникативной ситуации и соотносимым с моментом речи). Исходя из имеющегося лексического материала, можно говорить о том, что семантическая

структура обозначений времени в болгарских говорах содержит в себе два обширных пласта значений, которые формируются вокруг одного из двух наиболее значимых признаков. Это, во-первых, регулярная сменяемость и повторяемость тех или иных единиц времени независимо от обстоятельств их оценки говорящим (например, *корс* 'религиозный праздник, почитаемый в Родопах, когда священник ходит со святой водой и изгоняет злых духов') и, во-вторых, соотношенность обозначаемого интервала или периода времени с актуальным положением говорящего, в частности с моментом речи (например, наречие *първанка* 'раньше' в родопских говорах обозначает момент раньше точки отсчета, положение которой может меняться).

К семантическим фрагментам «статического» (или объективного, не зависящего от говорящего) времени, представляющего собой скорее синтез ощущений от разных сторон жизни, относятся некоторые длительные периоды, а именно: времена года — 'лето' (*жетва, лято*), 'позднее лето' (*подесен*), 'осень' (*есен, подзим(а)(е)*); месяцы года — 'март' (*Баба Марта, кождодерец*), 'апрель' (*лъжитрев*), 'июнь' (*креч, русалски, черешар*), 'август' (*богородички, зарев*), 'ноябрь' (*архангеловски*), 'декабрь' (*божек, колада*); даты и периоды народного календаря — 'день 5.01' (*Попова колада*), '6.01, праздник Богоявления' (*Водици*), 'три дня в году, 1.03–3.03' (*баби, заемците*), 'три дня в году, 15.07–17.07' (*горещници*), 'сорок дней после дня св. Димитрия' (*сиромашко лято*), 'шесть дней в ноябре, 11.11–16.11' (*вълчлияци, мратинци*); дни недели — 'будний, рабочий день' (*делник*), 'среда' (*повторник*); части суток — 'часть суток' (*заман*), 'время перед рассветом' (*петлено време, предзора*), 'заход солнца' (*заник, запад*), 'поздний вечер, ночь' (*вечеро, възнош*), 'середина ночи' (*среднощ*), 'глубокая ночь' (*глуо доба*) [Koseska-Toszeewa].

К единицам «динамического» времени следует отнести хрононимы со следующими значениями: периоды времени, стратифицируемые в рамках текущего года, до или после него (то есть до или после меняющей свое положение точки отсчета) — 'в текущем году' (*догодина*), 'в прошедшем году' (*лани, напрешната година*), 'два, три года тому назад' (*полане*), 'несколько лет тому назад' (*тришполани*), 'в следующем году' (*идущата година, нагодина, следващата година*); 'прошлой весной' (*пролет, пролетес*), 'прошлым летом' (*лятос(ка)*), 'этой, текущей осенью' (*есен(та)*), 'прошлой осенью' (*есенес, есенеска, подзимта*), 'этой, текущей зимой' (*зимъс, зимъска*); менее длительные отрезки времени (предшествующие или последующие дни по отношению к моменту речи): 'этой ночью' (*танош*), 'два дня тому назад' (*предден*), 'три дня тому назад' (*позавчера, позавчерашник*), 'завтра утром' (*засутром*), 'через три дня' (*позаутрешник*) [Koseska-Toszeewa].

Говоря о специфике выбора объекта номинации, необходимо отметить такой параметр, как частота номинации. Чаще других в говорах болгарского языка подвергаются номинации следующие интервалы: время до рассвета; время дневного перерыва, после полудня, а также более длительные периоды (месяцы весенне-летнего цикла) — в противоположность вечеру, осени.

В группе названий месяцев с точки зрения количества лексических манифестантов и актуализируемых в них признаков особенно выделяются месяцы с апреля по сентябрь включительно. Наименования этих месяцев могут быть мотивированы приходящимися на этот период днями почитания святых: *гергевски месец* 'апрель', *еленски* 'май', *марински* 'июль', *богородички* 'август'; представлениями

народной мифологии: *русалски* 'июль'; обозначаемым началом нового времени года: *есенния* 'сентябрь'; характерными для соответствующего периода природными явлениями: *лъжитрев* (время холодов, «обманивающих» появляющуюся траву) 'апрель', *черешар* 'июнь', *горещляк* 'июль', *пресуширеки* 'август'; характерными для соответствующего времени объектами и видами хозяйственной деятельности людей: *копанье кукуруз* 'май', *косач*, *сенокос*, *сърпен* 'июль', *жетвар* 'август' и *беридбен*, *гроздар* (время сбора винограда), *узунджовския месец* (время проведения ярмарки в селе Узунджово) 'сентябрь' [Koseska-Toszewa].

В номинации частей суток в болгарских говорах особое место занимает актуализация времени около трех-четырех часов пополудни, полдника. Обозначения этого интервала мотивируются указанием на приближение вечера — *завечер*; а также на своеобразный статус полуденного времени — *радино пладне* [Koseska-Toszewa] (данное наименование, по-видимому, образовано от имени собственного демонического существа, которое способно нанести вред человеку, если тот заснет в полдень).

Из некоторых других особенностей рассматриваемых семантических фрагментов, представляемых болгарской диалектной лексикой, следует отметить более подробную сегментацию времени в прошлом, например наличие таких семем, как 'в прошлом году', 'два года тому назад', 'три года тому назад', 'несколько лет тому назад', 'прошлой весной', 'прошлым летом', 'прошлой осенью' при отсутствии манифестируемых на лексическом уровне семем, указывающих на аналогичную временную дистанцию от момента речи в будущем (хотя последние семемы могут быть представлены в этих говорах с помощью словосочетаний).

В народной болгарской хрононимии также широко представлена оппозиция исконных/заимствованных наименований для одного явления. Причем заимствования демонстрируют достаточно сложный ассоциативный ряд, реализующийся в полисемии. Например, лексема *пазар* может обозначать 'торг' и, помимо этого, день недели — 'среда', а лексема *джума* — 'торг' и 'пятница' [Стойчев]. Здесь нельзя не отметить параллелизм исконных и заимствованных наименований, создающий эффект неоднозначности и многогранности родового понятия «время» и его разновидностей в болгарских диалектах.

Среди заимствований естественным образом преобладают турцизмы. Из греческих заимствований отметим, например, 'завтрак в восемь-девять часов утра' — *голема прогима* в родопских говорах [Koseska-Toszewa]. В болгарских говорах в Румынии, состав которых достаточно представителен с лингвогеографической точки зрения (М. Младенов выделяет здесь видинско-ломский, козлодуйский, белосладинский, плевенский, никопольский, мизийские, павликянский говоры), отмечен ряд лексических заимствований, относящихся к самым разным понятийным областям: 'время, пора' — *зъман* 'ѿ, тими; времена года — 'весна' (*дъ примаварѿ*), 'лето' (*варѿ*), 'осень' (*тоамнѣта*) и др. [Младенов].

Заимствованные из турецкого языка обозначения времени в болгарских говорах манифестируют следующие семемы: 'три-четыре часа пополудни' — *акиѣмляк* (из тур. *akşam/ aḡşam* 'сумерки, заход солнца') к северу от Асеновграда; *икиндия* в различных говорах Болгарии: родопских, софийских, странджанских и др. (из тур. *ikindi*, букв. 'второй'), *малка икиндия* в районах Хасковско, Пловдивско, Старо-Загорско; *къораво пладне* в Софийско, Етрополе, Ботевград, Стара Загора (болг.

кьорав 'слепой'); *хайляз пладнина*, *айляз пладня* в районе Разград (из тур. *haylaz* со значением 'не работай'); *шаикън пладне* (из тур. *şaşkın, şaşı* 'косоглазый, кривой', болг. *шаикън* 'плохой, глупый'); 'завтрак в восемь-девять часов утра' — *кавалтия* (из тур. *kahvaltı* букв. 'под кофе'); 'утро' — *сабале* (из тур. *sabahleyin* 'утром') в районах Разграда, Самокова, Рилы, Свиленграда, Трына, *сабален* 'утренний' — в районах Плевена, Хасково, Смоляна, Созополя, Мичурина, Кырджали; 'вечер' — *акшъм* в районе Чирпана и к северу от Асеновграда; часть суток — *заман* в софийских говорах (болг. *заман* и тур. *zaman* 'всегда'); 'июль' — *арман* и 'август' — *харманен месец* (болг. (х)арман из тур. *harman* 'ток, гумно'). В родопских говорах заимствованные хрононимы манифестируют следующие семемы: 'время' — *ава*, *мейдан*; 'свободное, нерабочее время' — *айляклък* (*aylak* 'лентяй'); 'месяц' — *ай*; 'неделя' — *афта*; 'время стрижки овец' — *къркъм*; 'время ягнения овец' — *д'ол*; 'время, подходящее для сбора роз' — *гюллап*; 'пятница' — *джума*; 'Димитровден' — *касум*; 'вечер' — *акшъм*; 'полдень' — *икинде*, *ивлен*; 'время после рассвета' — *кушлук*; 'рано утром' — *чин-сабах*; 'время перед рассветом, до того как пропоют петухи' — *гиджаърсън* и др.; 'раньше' — *евел*; 'далеко в прошлом' — *бабанлък*, *бирвъкит*, *бълдър*; 'поздно' — *геже*; 'очень поздно' — *гяштен* и др.; 'сегодня вечером' — *бошем* (тур. *bu akşam*), 'на днях, сейчас' — *бурърда* (тур. *bu arada*) [Koseska-Toszewa; Стойчев]. В ряде случаев в собранном материале в роли номинантов отрезков речи выступают наречия.

Как правило, заимствования представляют собой обозначения реалемы, параллельные исконным. Одним из важнейших семантических факторов, обуславливающих их функционирование, видимо, следует считать иную семантическую мотивацию наименования и соответственно его образность. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда заимствование полисемично. Так, *ава* обозначает не только 'время как понятие', но и 'обстоятельство', 'настроение', а *мейдан* — 'возможность'. Существительное *касум*, благодаря этимону (тур. *kasım* — 'тот, который делит'), представляет 'праздник Димитровден' и 'осень' в качестве даты и периода, которые разделяют астрономический и хозяйственный год на важные составляющие. Лексема *кушлук* обозначает, с одной стороны, 'время после рассвета', а с другой — 'время появления птиц' и т. д. [Стойчев].

Если говорить о дистрибуции заимствований с точки зрения репрезентируемых ими семем, то следует отметить их использование для обозначения самого родового понятия времени; времени в прошлом; периодов времени, соответствующих хозяйственным циклам; месяцев года, а также времени суток, особенно утром и после полудня.

Важным аспектом обозначения периодов и интервалов времени в говорах болгарского языка является использование в качестве семантической мотивации наименования противопоставленных признаков явления. Среди подобных противопоставлений можно отметить следующие.

Наименование характеризуемому явлению может даваться непосредственно или же опосредованно, через другое явление: 'осень' *есен* и *подзиме/подзима* (то есть время, предшествующее зиме); 'лето' *лете* и *жетва* (время жатвы), 'позднее лето' — *подесен* (время, предшествующее осени) [Koseska-Toszewa].

К семантическим оппозициям, связанным с использованием контрастирующих мотивационных признаков наименования, следует отнести, например, противопо-

ставление дат народного календаря, которые получили наименование по сопутствующему хозяйственному и фенологическому циклу, датам, обозначенным на основе православного календаря. Например: ‘апрель’ (*гергевски месец и кожидер*), ‘август’ (*богородички и пресуширеки*), ‘май’ (*еленски и копанье кукуруз*) [Koseska-Toszewa].

К вариантам подобной семантической оппозиции можно отнести и использование параллельно «хозяйственной» и фенологической мотивации: ‘август’ — *жет-вар, пресуширеки*, ‘июль’ — *косач, горещляк*. «Хозяйственная» мотивация также сама по себе обладает вариантами противопоставленных признаков: ‘апрель’ — *кожидер и лъжитрев*.

Болгарская диалектная хрононимия не только отражает противопоставление рабочих и нерабочих дней: ‘будний, рабочий день’ (*делник*) и ‘праздничный, нерабочий день’ (*неделник*), но и по-разному мотивирует содержание нерабочего дня: ‘свободное, нерабочее время’ — *неделник* и *айляклък* (буквально ‘ленивый’), а также рабочего, будничного дня: *катаден* — одновременно ‘рабочий день’ и ‘каждый день’ [Стойчев].

Среди наименований интервалов и периодов времени в болгарских говорах отмечена мотивация такими признаками, как «большой» и «малый». Это проявляется в названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября — *голямата чорква* и *малката чорква*, а также в обозначении завтрака в восемь-девять часов утра — *голема прогима* в родопских говорах; времени около 12 часов — *малка обед*; месяцев января (*голем сечко, големин*) и февраля (*малък сечко, мал’кин*).

Представлена (имплицитно или эксплицитно) и мотивация названия явления через «мужскую» или «женскую» характеристику: *моски празник* — ‘Димитровден’; *боже майка* ‘день 15 февраля, обрядовая сторона которого направлена на рождение детей’, и *боже йуме* ‘день 18 февраля, посвященный здоровью и долголетию мужчин’ [Стойчев].

Таким образом, болгарские диалектные хрононимы образуют систему, схема которой во многом определяется семантическими оппозициями. Среди способов номинации — параллельное использование исконных и заимствованных языковых единиц. При выборе объекта номинации противопоставляются интервалы и периоды времени с изменяемой или циклически повторяющейся точкой отсчета, обозначаемые чаще или реже. В семантической мотивации наименований можно выделить такие противопоставленные признаки, как большой/малый, мужской/женский и др. С точки зрения ареального аспекта анализируемого явления южнославянские родопские говоры обнаруживают черты сходства с восточнославянскими ярославскими и противопоставляются севернославянским.

Литература

Младенов М. Сл. Българските говори в Румъния. София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1993.

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: в 5 т. Мінск: Вышэйшая школа, 1981–1986.

Соболев А. Н. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Марбург: Biblion Verlag, 2001.

Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология V. София, 1970.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: URSS, 2010.

Ярославский областной словарь. Учеб. пособие: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Koseska-Toszewa V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.

Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001.

Для цитирования: Кондратенко М. М. Семантические оппозиции как особенность номинации в болгарской диалектной хрононимии // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 134–140. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.212

References

Mladenov M. Sl. B'lgarskite govori v Rum'niia [*Bulgarian dialects in Romania*]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1993. 455 p. (In Bulgarian)

Słownik belaruskich gavorak pawnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha: V 5 t. [In 5 vols]. Akademija Navuk Belaruskaj SSR. Instytut movaznavstva imja Jakuba Kolasa. Minsk, Navuka i tjechnika Publ., 1979–1986 (In Belarusian)

Sobolev A. N. Bolgarskii shirokolykskii govor. Sintaksis. Leksika dukhovnoi kul'tury. Teksty [*Bulgarian Shirokolyks dialect: Syntax. Lexis of spiritual culture*]. Marburg an der Lahn, Biblion Verl. Publ., 2001. 504 p. (In Russian)

Stoichev T. Rodopski rechnik [Rodopsk dialect]. B'lgarska dialektologija [*Bulgarian dialectology: Teaching and materials*]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, 1970, vol. V, pp. 152–221. (In Bulgarian)

Tolstaia S. M. Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoi etnolingvistike [*Semantic categories of the language of culture. Essays on the Slavic ethno-linguistics*]. Moscow, URSS Publ., 2010. 367 p. (In Russian)

Iaroslavskii oblastnoi slovar'. Uchebnoe posobie: v 10 vyp. [Yaroslavl Dialect Dictionary: In 10 v.]. Ed. by G. G. Mel'nichenko. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical Institute Publ., 1981–1991. (In Russian)

Koseska-Toszewa V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim [*Bulgarian weather vocabulary in the common Slavic background*]. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1972. 136 p.

Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken [*Dictionary of Middle Franconia. A Description of the data in the Atlas of Middle Franconia*]. Ed. by G. Schunk. Würzburg, Königshausen und Neumann Publ., 2001. 224 p.

For citation: Kondratenko M. M. Semantic Oppositions as a Peculiarity of Nomination in Bulgarian Dialectic Chrononimy. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 134–140. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.212

Статья поступила в редакцию 22 января 2015 г.,
рекомендована в печать 4 октября 2015 г.

Контактная информация:

Кондратенко Михаил Михайлович — кандидат филологических наук, доцент;
mmkondratenko@gmail.com

Kondratenko Mikhail M. — PhD, Associate Professor; mmkondratenko@gmail.com